

«Рихтер смотрел всего пять-шесть картин»

Новые известия — 2005 — 29 июля — с. 5.

Окончание. Начало на стр. 1

— **Начинающиеся в Пушкинском «Декабрьские вечера» — одно из главных культурных событий месяца. На выставке «Скрипка Энгра. Второе призвание» будут представлены картины или рисунки знаменитых людей, не имеющих к живописи никакого отношения. Вы не боитесь делать такую экспозицию в стенах, где висят мировые шедевры?**

— Конечно, не боимся. Явление, с которым мы предлагаем познакомиться, — крайне интересное. Это стремление людей искусства выразить себя в каком-то другом виде творчества. И результаты такого выражения удивительные. Возьмите, например, Людмилу Петрушевскую. Она достаточно жесткий писатель, совсем не сентиментальный в своих сочинениях. И вдруг на ее полотнах... розы, куклы. Или танцор и хореограф Владимир Васильев. Но в своих картинах он категорически не берет балетные темы. Он пишет пейзажи и натюрморты. Очень интересен режиссер Владимир Наумов. В кинематографе он кажется уравновешенным и гармоничным, но в живописи прямо-таки демоны раздирают его душу. Подобные выставки делают по всему миру. Я, например, видела в Центре Помпиду огромную выставку писателя Кокто, которая пользовалась невероятным успехом.

— **Вы считаете, что хобби знаменитостей должно быть интересно публике?**

— Это совсем не хобби. Не какое-то досуговое развлечение. Люди, у которых распланы часы и минуты, не позволяют себе пустого времяпрепровождения. Однако у них существует внутренняя потребность взять в руки кисть. Рихтер неоднократно говорил, что, если бы он не стал пианистом, был бы худож-

ником. Герман Гессе и Генри Миллер объясняли: они не могут не рисовать. И, наоборот, великий живописец Энгр не мог не играть на скрипке. Играл в оркестре. Даже, говорят, аккомпанировал Листу. Отсюда, кстати, и возникло выражение о втором призвании — «скрипка Энгра».

— **Не испытываете вы конкуренции со стороны коллег? Третьяковка, например, сейчас невероятно активна.**

— Сравнение нас с Третьяковской галереей не совсем корректно. Вся Россия заполнена отечественным искусством — бери и работай. Но вы себе не представляете, какими трудами достается нам каждая западная вещь! Сколько усилий, например, понадобилось, чтобы привезти из Вены одну картину Вермера, которая стоит целого музея! Мы это смогли сделать. А помните недавно закончившуюся выставку «Россия—Италия»? Там же подряд висели один мировой шедевр за другим: Леонардо да Винчи, Пьеро делла Франческа, Джорджоне, Боттичелли. Каждая из этих вещей заслуживала отдельной выставки. Порой нашу работу просто забывают или недооценивают. Вот недавно в Третьяковской галерее проходила выставка Шагала. О ней писали: «Впервые показывают так Шагала!». Извините, но у нас выставка Шагала была тогда, когда устроили ее было почти невозможно. Или Уорхол — тот же набор вещей, который сейчас показывали на Крымском Валу, уже побывал в наших стенах.

— **Но вы не можете отрицать, что теперь мы чаще ездим за границу и видим зарубежные музеи. На их фоне Пушкинский выглядит скромным и совсем небольшим.**

— Зрительский климат изменился — это точно. Но мы отнюдь не обойдены вниманием — в субботу или воскресенье у нас не пройти.

— **В чем выражается изменение зрительского климата?**

— Сегодня уже никто не осматривает музей, руководствуясь школьным учебником. Обычно приходят в какой-то один зал. Например, в Египетский. Или могут посмотреть искусство Возрождения. Мне очень импонирует тот метод осмотра, которым пользовался Рихтер. Он смотрел пять-шесть вещей. Помню, он пришел на выставку английского живописца Тернера, постоял у пяти картин и собрался к выходу. Я ему: «Святослав Теофилович! Побойтесь Бога, куда же вы уходите? Столько еще прекрасных работ не видели». А он: «Мне этого достаточно. На ближайшее время хватит, а вскоре еще приду».

— **Долгое время считалось, все беды наших музеев — от безденежья. Проблема осталась прежней?**

— Мы один из самых крупных музеев и в чем-то успешных, но даже мы задыхаемся без дополнительного финансирования. Два музейных филиала — Детский центр и Музей личных коллекций — строились 10–15 лет. При достаточных деньгах мы бы открыли их за два года. Но дело, конечно, не только в финансах. Важен еще и новый менталитет в музейной работе. Меня, например, очень радует, как изменяется Третьяковская галерея — это видно и по ее выставкам, и по прессе. Очень интересна работа Русского музея.

— **Сейчас появилось немало предпринимателей, вкладывающих деньги в искусство. Вам не обидно, что на аукционах покупают Рубенса не для вас, а в частные коллекции?**

— Каждый директор музея должен испытывать в этих случаях ревность. Но я уже нахожусь на том этапе, когда меня радует уже тот факт, что шедевр приобретает для Рос-

сии. У нас, например, в коллекции есть страшные лакуны между тем, что приобретали Щукин и Морозов до 1914 года, и тем, что приобретено потом. У нас нет Делоне, Миро, позднего Пикассо. Не было денег это приобрести.

— **А как же попечительские советы?**

— Попечительские советы в наших музеях появились совсем недавно. И они пока поддерживают только музейные проекты — выставки, концерты. Но не закупку вещей. Приведу пример: у нас могла бы быть потрясающая коллекция театральной живописи из собрания Никиты Лобанова-Ростовского. Он и сам хочет продать ее именно нам. Но коллекция невероятно дорогая, мы никак не можем найти деньги. Один богатый человек, с которым я разговаривала на этот счет, откровенно признался: «Ирина Александровна, если я ее куплю, у себя и повешу». Меценаты сегодня могут дать деньги на нужды музея, но не на закупку — тут речь идет о миллионах долларов.

— **Какие чувства у вас рождает то, что происходит сегодня в российской культуре?**

— Она представляется мне бурлящим котлом, в котором что-то вызревает, но пока еще не созрело. Пока не могу ухватиться за какое-то явление, которое было бы принципиально новым и намечало перспективы на XXI век.

— **А как вы относитесь к поиску национальной идеи?**

— Если речь идет о положительном образе страны, я за это целиком. Не стоит тужиться от своей национальной спеси, но стоит знать лучше, что у нас есть. Однако я не слишком понимаю, что значит «национальная идея» с точки зрения идеологии. Возможно ли она вообще? Как правило, о национальной идее говорят во время войны, когда тре-

Ирина АНТОНОВА родилась 20 марта 1922 года в Москве. В 1929 году ее отца направили на работу в Германию. Ирина с родителями прожила там до 1933 года. Сразу после прихода к власти нацистов семья Антоновых уехала в СССР. В 1945 году окончила МГУ и была приглашена на работу в Музей имени А. С. Пушкина. Тогда при нем была аспирантура, в которой она училась. Областью ее научных исследований было искусство Италии эпохи Возрождения. В 1961 году была старшим научным сотрудником, когда ей был предложен пост директора музея. С февраля 1961 года по настоящее время Ирина Антонова — директор Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Действительный член Российской академии художеств, лауреат Государственной премии РФ, награждена орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» III степени, а также орденом Командора литературы и искусства Франции.

буется защита Отечества. В мирное время эту идею я вижу в самой культуре — у нас она действительно великая.

— **Вы уже называли имя Святослава Рихтера, который был верным другом музея. Есть ли такие друзья сейчас?**

— Конечно. Борис Мессерер и Белла Ахмадулина — давнишние наши друзья. Сергей Капица с его трепетным отношением и всегдашней помощью. Очень к нам хорошо относятся и постоянно помогают Олег Табаков и Евгений Миронов. Очень трогает внимание к нам Сергея Юрского. Уже свой человек в музее Юрий Башмет, возглавивший музыкальную часть фестиваля. Из политиков в свое время Михаил Горбачев сделал целый ряд прекрасных жестов — помог получить здание Музея личных коллекций, подарил скульптуру Арпа.